

ДОМ ШЕЛКА

Новые приключения
Шерлока Холмса

Моему дорогому другу Джеффри С. Джозефу

Благодарности

Я благодарю Ли Джексона, который очень помог мне в аналитической работе над книгой. Его замечательный сайт www.victorianlondon.org — это блестящий (и бесплатный) источник для всех, кого интересует та эпоха. Две книги оказались для меня особенно полезными: «Лондон в XIX веке» Джерри Уайта и «Жизнь в викторианской Британии» Майкла Паттерсона. Впрочем, я не стеснялся обращаться за помощью к писателям того времени, в их число входят Джордж Гиссинг, Чарльз Диккенс, Энтони Троллоп, Артур Моррисон и Генри Мэйхью. Я также благодарю «Общество Шерлока Холмса», которое (до настоящего времени) оказывало мне поддержку, особо хочу упомянуть их представителя, доктора Марину Стаджик, любезно поделившуюся со мной своими знаниями в области токсологии в палате общин. Спасибо моему агенту — «агенту года» — Роберту Кирби, который первым предложил написать эту книгу. Спасибо Малкольму Эдвардсу из издательства «Орион», который терпеливо ждал появления этой книги восемь лет. Наконец — прежде всего, — я воздаю должное гению сэра Артура Конан Дойла, с кем я впервые познакомился в шестнадцатилетнем возрасте и чей удивительный творческий дар вдохновлял меня при написании собственной работы. Писать эту книгу было для меня невыразимой радостью, и я надеюсь, что не сильно отошел от оригинала.

Пролог

Я часто размышляю над цепью странных обстоятельств, которые привели меня к длительной дружбе с одним из самых удивительных и замечательных людей моего времени. Будь я в душе философом, я бы задался вопросом: до какой степени любой из нас является хозяином собственной судьбы, можем ли мы предсказать далекоидущие последствия наших действий, которые в момент их совершения кажутся нам ничем не примечательными?

К примеру, мой дальний родственник Артур рекомендовал меня на должность помощника хирурга в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк — он считал, что там я наберусь полезного опыта, — мог ли он предвидеть, что месяц спустя меня отправят в Афганистан? В то время конфликт, который принято называть Англо-афганской войной, еще и не думал разгораться. А что сказать о мусульманском воине, который в сражении при Майванде слегка нажал на спусковой крючок и всадил мне в плечо пулю? Девятьсот британских и индийских воинов в тот день отдали Богу душу, и мусульманин, несомненно, был намерен пополнить мною их ряды. Но, видимо, у него был сбит прицел, и, хотя я получил серьезное ранение, меня спас Джек Мюррей, мой верный санитар, добрейшей души человек, — целых две мили он тащил меня с территории противника в расположение британских войск.

В сентябре того же года Мюррей умер в Кандагаре и так и не узнал, что меня по ранению отправили домой и что я несколько месяцев посвятил — чтобы хоть как-то оправдать его усилия по спасению моей жизни — достаточно бессмысленному существованию в околотских кругах Лондона. Но вскоре я всерьез за-

думался о том, чтобы перебраться на южное побережье... Пришлось посмотреть правде в глаза: финансы мои истощались достаточно быстро. Мне также дали понять, что морской воздух благотворно скажется на моем здоровье. Все-таки найти жилье подешевле в Лондоне было более желательно, и я уже собрался снять комнаты у биржевого маклера на Юстон-роуд. Но переговоры наши как-то не заладились, и я принял решение без дальнейших отлагательств: поеду в Гастингс, круг общения там, конечно, попроще, чем в Брайтоне, зато цена вдвое ниже. Вещи были упакованы, я был готов отправиться в путь, но тут мы заглянули к Генри Стэмфорду — не сказать к близкому другу, скорее знакомому, он был моим ассистентом в госпитале Сент-Бартс. За день до этого он изрядно набрался, проснулся с головной болью и, вполне возможно, именно поэтому взял отгул в химической лаборатории, где в то время работал. Бродя по Пикадилли-серкус, он решил прогуляться до Риджент-стрит и зайти в «Либерти» — купить жене подарок в подвальном этаже, где располагался так называемый восточный базар. Странно даже подумать, что, избери он другой маршрут, он не столкнулся бы со мной, когда я выходил из бара «Критерион», — в результате я мог бы и не познакомиться с Шерлоком Холмсом.

Я уже где-то писал, что именно Стэмфорд предложил мне снять жилище на пару с неким специалистом по химическому анализу, который работал с ним в одном госпитале. Так Стэмфорд познакомил меня с Холмсом — тот как раз ставил эксперимент по выведению пятен крови. От первой нашей встречи у меня осталось странное впечатление: она привела меня в легкое замешательство, но, безусловно, запомнилась... и позволяла предположить, что впереди нас ждет много интересного.

В моей жизни эта встреча стала поворотным пунктом. Литературных амбиций я не имел никогда. Мало того, скажи мне кто-то, что меня будут издавать, я бы рассмеялся ему в лицо. Но могу совершенно честно и нисколько не лгая себе сказать: мне удалось прославиться тем, как я описал приключения этого великого человека. Я еще больше вырос в собственных глазах, когда получил приглашение выступить во время службы в память о нем в Вестминстерском аббатстве, но от этого приглаше-

ния я вежливо отказался. Сам Холмс частенько посмеивался над моими литературными потугами, и я не мог отделаться от ощущения, что, займи я место за кафедрой проповедника, я бы чувствовал его присутствие у себя за плечом — он бы безобидно посмеивался из могилы над моими пассажами.

Он всегда считал, что я преувеличиваю его способности, уж слишком высоко оцениваю его блестящий ум, легко проникавший в суть явлений. Он любил посмеяться над тем, как я строю свое повествование: я старался дать разгадку в самом конце, а он клялся, что ему все было ясно с первых же абзацев. Он не раз обвинял меня в тривиальном романтизме и считал, что я ничуть не лучше самого заурядного писака с Граб-стрит. Все же я полагаю, что он был ко мне несправедлив. За все время, что мы были знакомы, я ни разу не застал Холмса за чтением прозы — исключая, конечно, худшие образчики бульварной литературы. Я, безусловно, не считаю себя великим писателем, но могу смело сказать, что мои труды нашли свою аудиторию, а сам он нипочем не написал бы лучше. Собственно говоря, однажды Холмс в этом практически признался, когда в конце концов взял перо и бумагу и принялся собственными словами описывать странное дело Годфри Эмсуорта. Этот эпизод увидел свет в рассказе под названием «Приключения побелевшего солдата», и мы видим, что само это название далеко от совершенства: побелка больше подходит для стены.

Повторю: мои литературные дерзания получили достаточно высокую оценку, но признание подобного рода никогда не было для меня самоцелью. В силу описанных выше обстоятельств именно мне выпала честь обнародовать достижения самого прославленного частного детектива и представить на суд полной энтузиазма аудитории не менее шестидесяти рассказов. Но куда ценнее для меня была многолетняя дружба с этим выдающимся человеком.

С того дня как Холмса нашли в его доме в Даунсе — он лежал неподвижно, вытянувшись на кровати во весь рост, — прошел год. Великий мозг замолчал навсегда. Услышав эту новость, я понял, что не просто лишился ближайшего сподвижника и друга, — во многих отношениях был утрачен сам смысл моего существо-

вания. Два брака, трое детей, семь внуков, успешная медицинская карьера, орден «За заслуги», врученный мне его величеством королем Эдуардом VII в 1908 году, — такими достижениями мог бы удовлетвориться любой. Но только не я. Я скучаю по Холмсу и поныне и порой, лежа без сна, словно вновь слышу до боли знакомые слова: «Игра начинается, Ватсон...»¹ Но они лишь напоминают мне о том, что окунуться во тьму и клубящийся туман Бейкер-стрит с надежным револьвером в руке мне уже не суждено. Я часто думаю, что Холмс ждет меня по другую сторону великой тени, в чье лоно неизбежно попадет каждый из нас, и скажу честно — я буду рад воссоединиться с ним. Моя застарелая рана с мучительной настойчивостью ведет меня к последнему порогу. На континенте бушует жуткая и бессмысленная война, и я перестал понимать мир, в котором живу.

Почему же я снова решил взяться за перо и потревожить воспоминания, которые было бы лучше предать полному забвению? Возможно, мною движет эгоизм. Подобно многим старикам, чья жизнь осталась позади, я ищу умиротворения. Медсестры, которые помогают мне бороться с недугом, уверяют: сочинительство — отличная терапия, оно не позволит мне пасть духом, что порой случается. Но есть и другая причина.

«Банда в кепках» и «Дом шелка» были в некоторых отношениях самыми сенсационными делами в карьере Шерлока Холмса, но в свое время я не мог позволить себе рассказать о них — причины вскоре будут ясны со всей очевидностью. Эти два дела до такой степени сплелись воедино, что рассказывать о них по отдельности было немислимо. В то же время мне всегда хотелось сделать их достоянием гласности, довершить образ Шерлока Холмса. Я чувствую себя химиком, который ищет магическую формулу, или филателистом, который не может в полной мере гордиться своей коллекцией марок, потому что в ней не хватает двух или трех редких экземпляров. Остановить себя я не могу. Я должен об этом написать.

¹ В оригинале стоит фраза «The game's afoot». Это цитата из пьесы Шекспира «Генрих V» (акт III, сцена 1), переведенная в одном случае как «зверь поднят», а в другом — как «дичь поднята». При публикации повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе переводилась как «игра начинается». — *Здесь и далее примеч. перев.*

Я не мог сделать этого раньше — и дело отнюдь не в том, что Холмс, как всем хорошо известно, терпеть не мог публичности. Нет. События, о которых я собираюсь рассказать, были столь чудовищны и скандальны, что и речи не могло идти об огласке. Таковыми они остаются и сейчас. Без преувеличения скажу: огласка этих событий разорвет на части всю ткань нашего общества, тем более во время войны, а на такой риск я пойти не могу. Когда я закончу это описание — будем надеяться, что силы не оставят меня раньше, — я тщательно упакую рукопись и переправлю ее в хранилище банка «Кокс и К°» на Чаринг-Кросс, где я держу и другие свои ценные бумаги. Мои инструкции будут таковы: пакет можно открыть только через сто лет. Невозможно представить, каким будет мир по прошествии такого большого отрезка времени, какие шаги вперед сделает человечество, но будущих читателей едва ли смутят постыдные и позорные события — в отличие от моих современников. Именно читателям будущего я завещаю мой последний портрет Шерлока Холмса, а также картину наших дней, доселе невиданную.

Достаточно — я израсходовал слишком много энергии на описание собственных забот. Пора вновь открыть дверь дома 221-б на Бейкер-стрит и войти в комнату, где началось так много приключений. Я все вижу воочию: мерцание лампы за стеклом, семнадцать ступеней, которые надо преодолеть, поднимаясь в дом с улицы. Как давно все это было, как далеко все это от меня сегодняшнего... Да. А вот и он, с неизменной трубкой в руке. Он поворачивается ко мне. На лице улыбка. «Игра начинается...»

Глава 1

ГАЛЕРИСТ ИЗ УИМБЛДОНА

— Грипп — штука неприятная, — заметил Шерлок Холмс. — Но вы правы: с помощью вашей жены ребенок скоро поправится.

— Очень на это надеюсь, — ответил я, тут же осекся и, широко раскрыв глаза, уставился на него. Чашка с чаем застыла на полпути к губам, но я поставил ее на стол с такой силой, что она едва не рассталась с блюдцем. — Черт подери, Холмс! — воскликнул я. — Вы просто прочитали мои мысли. Но готов поклясться: я ни словом не обмолвился о ребенке или его болезни. Да, вы можете догадаться, что моя жена в отъезде. Само мое присутствие здесь наводит вас на эту мысль. Но я еще не объяснил, по какой причине ее нет, и с уверенностью могу сказать: мое поведение никоим образом не могло дать вам намек на эту причину.

Этот диалог состоялся в конце ноября 1890 года. Лондон был в плену безжалостной зимы, на улицах стоял такой холод, что, кажется, застыли сами газовые фонари и излучаемый ими скромный свет растворялся в лондонском тумане. Люди, укутав лицо и склонив голову, перемещались по тротуарам, словно привидения, мимо них громыхали экипажи, а лошади мечтали вернуться в конюшню. Я был рад, что нахожусь не на улице, а в знакомом помещении, в камине поигрывает пламенем огонь, в воздухе висит привычный запах табака, а вокруг совершенный беспорядок, каким предпочитал окружать себя мой друг, — и это означало, что все правильно, все на своих местах.

Телеграммой я уведомил Холмса о своем намерении арендовать ту же комнату и провести некоторое время в его обществе, и его положительный ответ встретил с большим энтузиазмом.

Моя медицинская практика могла дать мне передышку. Временно я остался один. Я хотел понаблюдать за моим другом и удостовериться, что он полностью восстановил здоровье. Дело в том, что Холмс морил себя голодом три дня и три ночи, отказываясь от пищи и воды, чтобы убедить жестокого и мстительного противника — смерть вот-вот заключит Холмса в свои объятия. Военная хитрость сработала, результат оказался триумфальным: злодей попал в надежные руки инспектора Мортонна из Скотленд-Ярда. Но напряжение, которому подверг себя Холмс, все еще вызывало у меня беспокойство, и я решил понаблюдать за ним, пока обмен веществ в его организме полностью не восстановится.

Поэтому я был рад видеть, как он поглощает содержимое большой тарелки, которую на подносе принесла для нас двоих миссис Хадсон: лепешки с фиалковым медом и сметаной, а также чай с бисквитным тортом. Холмс явно шел на поправку, он расслабленно полулежал в своем большом кресле, вытянув ноги в направлении камина, на нем был хорошо знакомый мне халат. Фигуру его всегда можно было назвать поджарой и даже худощавой, а орлиный нос подчеркивал остроту взгляда, но сейчас на щеках его играл румянец, а голос и манеры позволяли предположить: он вполне пришел в себя.

Он тепло приветствовал меня, я расположился напротив и испытал странное ощущение, словно проснулся после глубокого сна. Словно не было в моей жизни трех последних лет, когда я встретил мою обожаемую Мэри, взял ее в жены, перебрался в наш дом в Кенсингтоне, который купил на деньги, вырученные от продажи жемчуга из сокровищ Агры. Казалось, что я, как и прежде, холостяк, живу бок о бок с Холмсом и делю с ним тревоги и волнения, связанные с очередной погоней или разгадкой очередной тайны.

Я подозревал, что такое положение дел было бы для него предпочтительным. Холмс редко спрашивал, что творится на моем домашнем фронте. Во время моей свадьбы он был за границей, и мне пришло в голову, что его отъезд мог быть вовсе не случайным. Не скажу, что тема моего супружества была табу, но мы как бы пришли к молчаливому согласию не обсуждать ее

подробно. Холмс видел, что в семейной жизни я счастлив и умиротворен, и великодушно обходился безо всяких шуток и подковырок по этому поводу. Когда я впервые предстал перед ним в новом качестве, он спросил меня о миссис Ватсон. Но он не стал ничего выпытывать, а сам я не считал нужным распространяться на эту тему, в итоге его замечания на этот счет были совершенно непостижимыми.

— Вы смотрите на меня, словно я фокусник, — заметил Холмс с улыбкой. — Надо полагать, рассказам Эдгара Аллана По вы дали отставку?

— Вы про его детектива Дюпена? — спросил я.

— Он пользовался методом, который определял как «умозаключение». По его теории можно прочесть самые сокровенные мысли человека, даже если тот и рта не раскрыл. Достаточно проанализировать его движения, последить за его мимикой. В свое время эта идея произвела на меня большое впечатление, но, припоминая, вы отнеслись к ней с некоторым презрением...

— И теперь мне приходится за это платить, — заключил я. — Холмс, вы всерьез хотите сказать, что способны сделать вывод о болезни ребенка, которого никогда не видели, просто глядя на то, как я поглощаю лепешки?

— Этот вывод не единственный, — откликнулся Холмс. — Могу добавить, что вы недавно вернулись с Холборнского виадука. Что дом вы покидали в спешке, но все равно опоздали на поезд. Сейчас вы живете без служанки, — может быть, все дело в этом?

— Прекратите, Холмс! — воскликнул я. — На эту удочку я не клюну!

— Разве я ошибся?

— Нет. Полное попадание по всем пунктам. Но как такое возможно?

— Все просто: наблюдение и дедукция, первое составляет информацию для второго. Я могу пуститься в объяснения, но они покажутся вам до обидного детскими.

— Тем не менее я хотел бы их услышать.

— Что ж, коль скоро вы выбрались ко мне с визитом, придется пойти на поводу у вашей настойчивости, — согласился

Холмс и чуть заметно зевнул. — Начнем с самого факта вашего приезда сюда. Если меня не подводит память, ваш брак приближается к третьей годовщине, верно?

— Именно так, Холмс. До нее осталось ровно два дня.

— Не самое подходящее время для разлуки с женой. Вы ведь только что сказали: ваше решение пожить со мной под одной крышей, да еще и достаточно долго, подразумевает, что ее отъезд вызван весьма серьезной причиной. Что же это за причина? Насколько я помню, мисс Мэри Морстен, как ее звали до замужества, прибыла в Англию из Индии, здесь у нее друзей или родственников не было. Она стала работать гувернанткой, присматривать за сыном некоей миссис Сесил Форрестер в Камберуэлле, где вы с ней, собственно, и познакомились. Миссис Форрестер была с ней очень мила, особенно когда настали трудные времена, и я готов предположить, что между ними установились доверительные и близкие отношения.

— Вы совершенно правы.

— И если кто-то и мог подвигнуть вашу жену на отъезд из дома, миссис Форрестер выглядит вполне подходящей кандидатурой. Какая же причина может скрываться за подобной просьбой? За окном стоит холодная погода, и в первую очередь приходит в голову болезнь ребенка. Приболевшему мальчику было бы очень приятно, окажись рядом его любимая гувернантка.

— Его зовут Ричард, мальчику девять лет, — добавил я. — Но почему вы уверены, что у него грипп, а не нечто более серьезное?

— Если бы дело обстояло так, вы бы наверняка занялись ребенком лично.

— Пока ваши рассуждения в высшей степени понятны и просты, — признал я. — Но как вы узнали, что мои мысли были сосредоточены на этой теме в данную конкретную минуту?

— Надеюсь, дорогой Ватсон, вы не обидитесь, если я скажу, что вы для меня — открытая книга, каждый ваш новый жест — это новая страница. Вы сидите напротив и потягиваете чай, и я вижу, что ваш взгляд устремлен в лежащую на столе газету. Вы посмотрели на заголовок, протянули руку и перевернули газету лицом вниз. Почему? Наверное, вам пришла не по душе заметка о крушении поезда в Нортон-Фицуоррен несколько

недель тому назад. Сегодня опубликовали результаты расследования гибели десяти пассажиров, и, понятное дело, вам совершенно не хочется об этом читать, потому что вы только что попрощались с женой на вокзале.

— Да, заметка напомнила мне о ее поездке, — согласился я. — Но болезнь ребенка?

— С газеты взор ваш переместился на ковровую дорожку рядом со столом, и я ясно увидел, как вы украдкой улыбаетесь. Именно на этом месте когда-то стоял ваш медицинский саквояж, мысль о котором и напомнила вам о причине поездки вашей жены.

— Ну, Холмс, это уже из области догадок, — возразил я. — Например, вы упомянули Холборнский виадук. А ведь это мог быть любой вокзал Лондона.

— Вы прекрасно знаете, что догадок я сторонюсь. Иногда надо применить воображение на основе вещественных доказательств, но это вовсе не одно и то же. Миссис Форрестер живет в Камберуэлле. Поезда в Чатем и Дувр регулярно уходят со станции Виадук Холборн. Этот вывод представляется вполне логичным, но вы облегчили мне задачу, поставив у двери ваш собственный чемодан. Из этого кресла мне хорошо видна наклейка на ручке чемодана: «Виадук Холборн, камера хранения».

— А все остальное?

— Отсутствие служанки и поспешный выход из дома? Мазок черной ваксы на рукаве указывает на то и другое сразу. Вы сами чистили себе обувь и действовали не вполне аккуратно. Далее, в спешке вы забыли надеть перчатки...

— Мое пальто забрала миссис Хадсон. Она вполне могла забрать и перчатки.

— Но мы с вами обменялись рукопожатием, и ваша рука была очень холодная. Нет, Ватсон, весь ваш облик говорит об отсутствии организующего начала, о беспорядке.

— Все, что вы сказали, правда, — признал я. — Осталась только одна тайна, Холмс. Откуда вам известно, что моя жена опоздала на поезд?

— Когда вы вошли, я уловил на вашей одежде сильный запах кофе. С чего бы вам пить кофе, если вы собираетесь ко мне

на чай? Вывод: вы опоздали на поезд и были вынуждены пробыть с женой дольше, чем намеревались. Вы сдали чемодан в камеру хранения и пошли с женой в кофейню. Не на Локхарт-стрит? Я слышал, там готовят отличный кофе.

Ненадолго воцарилась тишина, после чего я расхохотался.

— Что ж, Холмс, — сказал я, — вижу, что о вашем здоровье можно не тревожиться. Вы блистательны, как всегда.

— Но это же элементарно, — ответил детектив, вяло поведя рукой. — Впрочем, похоже, нас ждет нечто более интересное. Если не ошибаюсь, кто-то стоит у наших входных дверей...

Холмс оказался прав: снова появилась миссис Хадсон, на сей раз не одна. В комнату вошел человек: он выглядел как персонаж какой-нибудь пьесы на сцене лондонского театра. Смокинг, бабочка, черная накидка на плечах, жилет, шикарные кожаные туфли. В одной руке пара белых перчаток, в другой — трость из розового дерева с серебряным набалдашником и рукояткой. Грива темных волос откинута назад и открывает высокий лоб. Кожа бледная, лицо, не будь оно слегка вытянуто, можно было бы назвать красивым. Я дал бы ему лет тридцать пять, в то же время он выглядел старше — уж чересчур серьезный облик, к тому же он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Мне сразу вспомнились некоторые мои пациенты — те, что отказывались верить в свою болезнь, пока очевидные симптомы не убеждали их в обратном. Именно их заболевания оказывались самыми тяжелыми. Вот и новый посетитель не выказывал особой радости от встречи с нами. Он стоял в дверях и взволнованно озирался по сторонам, а миссис Хадсон передала Холмсу его визитку.

— Господин Карстерс, — произнес Холмс, — прошу садиться.

— Простите, что прибыл вот так, без объявления и приглашения. — Говорил он отрывисто и суховато. Глаза пока блуждали, не желая встречаться с нашими. — Если честно, у меня вообще не было намерения приходить сюда. Я живу в Уимблдоне, неподалеку от теннисных кортов, и приехал в город слушать оперу, но сейчас мне не до Вагнера. Я только что из клуба, где встречался с моим бухгалтером, я знаю этого человека много лет и считаю своим другом. Я рассказал ему о своих неприятностях,

о том, как они отравляют мне жизнь и делают ее невыносимой, и он упомянул вас и настоятельно рекомендовал посоветоваться с вами. По случайному совпадению мой клуб находится совсем рядом, и я решил направиться прямо к вам.

— Буду рад выслушать вас, — сказал Холмс.

— А этот господин?.. — Посетитель указал на меня.

— Это доктор Джон Ватсон. Он мой ближайший сподвижник, так что не сомневайтесь — все, что вы хотите рассказать мне, может быть произнесено в его присутствии.

— Ну что ж. Меня зовут, как вы видите, Эдмунд Карстерс, я торгую произведениями искусства. У меня своя галерея, «Карстерс и Финч», на Элбмарл-стрит, она действует вот уже шесть лет. Основная сфера наших интересов — работы великих художников, в основном прошлого века: Гейнсборо, Рейнольдс, Констебл и Тёрнер. Не сомневаюсь, что вы знакомы с их картинами, цены на эти полотна самые высокие. Только на этой неделе я продал два портрета работы Ван Дейка частному клиенту на общую сумму двадцать пять тысяч фунтов. Бизнес у нас вполне процветающий, успешный, на соседних улицах появляются все новые и новые галереи, но я бы назвал их вторичными. С годами нам удалось заработать достойную репутацию — нас ценят за трезвость оценки и надежность. Среди наших клиентов много знати, наши работы вывешены в самых изысканных особняках страны.

— А ваш партнер господин Финч?

— Тобиас Финч гораздо старше меня, хотя доли у нас равные. Если мы иногда расходимся во мнениях, это объясняется тем, что он человек более консервативный и осторожный, чем я. Например, меня очень интересуют новые работы, которые приходят к нам с континента. Я имею в виду художников, ставших известными как импрессионисты, например Моне и Дега. Всего неделю назад мне предложили зарисовку на берегу моря Писсарро, на мой взгляд весьма яркую и живописную. Увы, мнение моего партнера с моим не совпадает. Он утверждает, что такие работы недалеко ушли от мазни, — некоторые формы вблизи действительно трудноразличимы, но он не видит сути картины, и переубедить его я не могу. Впрочем, господа, не буду утомлять

вас лекцией о живописи. Галерея наша вполне традиционная, таковой в ближайшем будущем и останется.

Холмс кивнул:

— Прошу вас, продолжайте.

— Господин Холмс, две недели назад я понял, что за мной следят. Риджуэй-холл — так называется мой дом — стоит на углу узкого переулка, в некотором отдалении находятся несколько богаделен. Это наши ближайшие соседи. Мы окружены общественными землями, и из моей гардеробной открывается вид на деревенские уголья. И вот во вторник утром я увидел там человека: он стоял, широко раздвинув ноги и скрестив руки, стоял совершенно неподвижно, и этой неподвижностью я был просто изумлен. Он был достаточно далеко, и я не мог разглядеть его черты, но мне показалось, что это иностранец. На нем был длинный сюртук с накладными плечами, покрой явно не английский. В прошлом году я был в Америке и готов высказать догадку, что этот человек прибыл оттуда. Но более всего — причину объясню позже — меня поразило другое: на голове его был головной убор — кепка.

И вот эта кепка и сама его поза, когда я впервые его увидел, здорово вывели меня из равновесия. Полное отсутствие движения — в этом он мог вполне соперничать с пугалом, клянусь вам. Шел легкий дождь, ветерок носил его над кварталом, но человек этого будто не замечал. Глаза его были устремлены на мое окно. Могу сказать, что из них словно шел темный луч и он сверлил меня. Я смотрел на него, наверное, не меньше минуты, потом пошел завтракать. Но перед тем как приступить к трапезе, я послал слугу взглянуть, стоит ли этот человек на прежнем месте. Его не было. Слуга доложил, что на полях никого нет.

— Отдельный случай, — заметил Холмс. — Не сомневаюсь, что Риджуэй-холл — дом, заслуживающий внимания. Приезжему он вполне мог показаться достойным объектом для изучения.

— Я и сам довольствовался таким объяснением. Но через несколько дней он появился снова. Мы с женой были в Лондоне, только что вышли из театра — ходили в «Савой», — и я не сумел его как следует разглядеть. На сей раз он стоял на виду, под уличным фонарем, но сам этот фонарь отбрасывал тень на

его лицо и играл роль вуали. Возможно, таковым и было его намерение.

— Но это был именно он?

— Вне всякого сомнения.

— А ваша жена его видела?

— Нет. Я не хотел ее тревожить и ничего ей не сказал. Нас ждала двуколка, и мы тут же уехали.

— Чрезвычайно интересно, — заметил Холмс. — Действия этого человека противоречат здравому смыслу. Он стоит посреди деревенских угодий и под уличным фонарем. С одной стороны, он хочет, чтобы его увидели. С другой — даже не пытается к вам подойти.

— Он подошел ко мне, — откликнулся Карстерс. — На следующий же день; я как раз приехал домой раньше обычного. Мой друг Финч оставался в галерее, он заносил в каталог коллекцию рисунков и гравюр Сэмюэла Скотта. Моя помощь ему не требовалась, к тому же после двух упомянутых встреч мне было не по себе. К Риджуэй-холлу я подъехал около трех часов, и слава богу, потому что этот негодяй собирался постучать в дверь моего дома. Я окликнул его, он обернулся и увидел меня. Тотчас же он кинулся в мою сторону, и я, уверенный, что он собирается меня ударить, даже поднял трость, чтобы защититься. Но насилие в его планы не входило. Он приблизился ко мне вплотную, и впервые я разглядел его лицо: тонкие губы, темные карие глаза, багровый шрам на правой щеке — видимо, след от недавнего пулевого ранения. Он был под воздействием алкоголя — от него пахло спиртным. Он не произнес ни слова, но поднял вверх записку и сунул ее мне в руку. И сразу же убежал — я не успел его остановить.

— А записка? — любопытно спросил Холмс.

— Она при мне.

Галерист извлек на свет сложенный вчетверо листок бумаги и передал его Холмсу. Тот аккуратно развернул его.

— Передайте, пожалуйста, мою лупу, Ватсон.

Я исполнил просьбу, и он повернулся к Карстерсу:

— Конверта не было?

— Нет.

— Это очень важное обстоятельство. Ну-ка, поглядим...

На страничке было всего пять слов, написанных печатными буквами:

ЦЕРКОВЬ ДЕВЫ МАРИИ, ЗАВТРА, ПОЛДЕНЬ.

— Бумага английская, — заметил Холмс, — даже если сам ваш визитер приезжий. Обратите внимание, Ватсон, — написано печатными буквами. Какова, на ваш взгляд, цель?

— Скрыть собственный почерк, — предположил я.

— Возможно. С другой стороны, этот человек никогда господину Карстерсу не писал и едва ли напишет впредь — зачем ему скрывать свой почерк? Господин Карстерс, записка была сложена, когда вам ее передали?

— Нет. По-моему, нет. Я сам сложил ее позже.

— Что ж, картина проясняется. В записке идет речь о церкви Девы Марии. Надо полагать, она находится в Уимблдоне?

— На Хотхаус-лейн, — ответил Карстерс, — в нескольких минутах ходьбы от моего дома.

— В таком поведении тоже мало логики, как считаете? Человек хочет с вами поговорить. С этой целью он сует вам в руку записку. При этом молчит. Практически не произносит ни слова.

— Мне кажется, он хочет поговорить со мной наедине. Кстати, моя жена Кэтрин вышла из дома буквально через несколько секунд. Она стояла у окна гостиной, которое выходит прямо на подъездную дорожку, и все видела. «Кто это такой?» — спросила она. «Понятия не имею», — был мой ответ. «Чего он хотел?» Я показал ей записку. «Он хочет денег, — сказала она. — Я видела его из окна — настоящий разбойник. На прошлой неделе в полях разбили табор цыгане. Скорее всего, он один из них. Эдмунд, ходить на встречу с ним незачем». — «Не тревожься, дорогая, — сказал я жене, — я и не собираюсь с ним встречаться».

— Жену вы успокоили, — пробормотал Холмс, — а сами в назначенное время пришли в церковь.

— Именно, и положил в карман револьвер. Но этого типа не было. В этой церкви вообще не много прихожан, а тут еще пронизывающий холод. Час я маршировал по плитам перед входом

в церковь, потом направился домой. Больше я о нем ничего не слышал, он не появлялся, но я не могу выкинуть его из головы.

— Вы знаете этого человека, — высказал предположение Холмс.

— Да, господин Холмс. Вы попали в точку. Я думаю, что знаю, кто этот человек, хотя, признаюсь откровенно, мне не вполне понятно, на каком основании такой вывод сделали вы.

— Мне это показалось совершенно очевидным, — ответил Холмс. — Вы видели этого человека только три раза. Он назначил вам встречу, но сам же и не пришел. Из вашего описания вовсе не следует, что этот человек представляет для вас угрозу, но вы начали с неприятностей, которые отравляют вам жизнь, а на встречу с этим человеком пошли, вооружившись револьвером. И вы пока не сказали нам, в чем тайный смысл кепки.

— Я знаю, кто он. Знаю, что ему нужно. Меня пугает, что он проследовал за мной в Англию.

— Из Америки?

— Да.

— Господин Карстерс, ваш рассказ чрезвычайно интересен, и, если у вас есть время до начала оперы или если вы готовы пожертвовать увертюрой, мне кажется, вам следует рассказать все с самого начала и до конца. Вы говорили, что год назад ездили в Америку. С человеком в кепке вы встретились там?

— Раньше мы лично не встречались. Но в Америку я приехал из-за него.

— Если позволите, я набью трубку. Не возражаете? Давайте вернемся к началу, и вы расскажете нам, что привело вас на другую сторону Атлантики. Галерист, по моему пониманию, не тот человек, который легко наживает врагов. А вам это явно удалось.

— Согласен. Моего недруга зовут Килан О'Донахью — кажется, все бы отдал, чтобы никогда не слышать этого имени.

Холмс потянулся к персидской тапке, где держал табак, и начал набивать трубку. Эдмунд Карстерс тем временем перевел дыхание, и вот что мы услышали.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ ШЕЛКА	
Новые приключения Шерлока Холмса. <i>Роман</i>	5
МОРИАРТИ. <i>Роман</i>	267
ТРИ МОНАРХИНИ. <i>Рассказ</i>	521

Горовиц Э.

Г 70 Дом шелка. Мориарти : романы, рассказ / Энтони Горовиц ; пер. с англ. М. Загота. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20888-9

В литературном и кинематографическом мире нет более популярного героя, чем Шерлок Холмс. Это имя стало сенсацией в 1890-х благодаря публикациям в журнале «Стрэнд», тиражи которого сразу выросли на треть. По числу экранизаций история о детективе с Бейкер-стрит попала в Книгу рекордов Гиннесса. О количестве литературных пастишей и говорить нечего, но официальное одобрение Фонда наследия Конан Дойла получил только Энтони Горовиц за свой роман «Дом шелка».

В карьере великого сыщика было дело, связанное с такими чудовищными и скандальными событиями, что написать о нем Ватсон, неизменный рассказчик увлекательнейших историй о своем гениальном друге, решился не скоро. Он тщательно упаковал эти записки, отправил на хранение в надежное место и завещал открыть пакет не ранее чем через сто лет, потому что спрятанная в нем тайна под названием «Дом шелка» угрожала подорвать все устои общества...

Спустя три года после выхода «Дома шелка» Энтони Горовиц вернулся в мир великого сыщика.

После того как профессор Мориарти исчез в бурных водах Рейхенбахского водопада, в преступном мире образовалась «вакансия». Среди многочисленных претендентов на это место возникает поистине зловещая фигура. Детективному агенту из Нью-Йорка и инспектору Скотленд-Ярда — преданному поклоннику Шерлока Холмса — предстоит проложить путь через самые темные уголки столицы Англии, от эlegantных площадей Мейфэра до причалов и закоулков лондонских доков, в погоне за тем, кто решительно заявляет о своих правах в качестве преемника Мориарти...

Список расследований Холмса продолжает рассказ «Три монархии», в котором повествование снова ведется от лица доктора Ватсона.

Итак, игра начинается...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ
ДОМ ШЕЛКА
МОРИАРТИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Людмила Дубовая, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.03.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-29883-01-R